

**«СТЕПАН СТЕПАНЫЧ СВОИХ НЕ ПОКИНЕТ»,
ИЛИ ТАЙНЫЙ СТАРООБРЯДЕЦ В ДОЛЖНОСТИ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ
(К БИОГРАФИИ Л.С. МАСЛЕННИКОВА)**

Аннотация. В статье рассматривается биография Льва Степановича Масленникова, бывшего головой г. Саратова в 50–60-е гг. XIX в. Особое внимание уделяется религиозным убеждениям Л.С. Масленникова, а также условиям существования старообрядчества в период правления Николая I. На основании источников личного происхождения делается вывод о том, что несмотря на номинальную принадлежность к единоверию, голова Саратова тайно придерживался староверия и оказывал серьезное влияние на укрепление «раскола» в городе в пик николаевских религиозных гонений.

Ключевые слова: староверы; старообрядчество; Саратов; Л.С. Масленников; часовенные; Октоих; единоверие; Иргиз.

Сведения об авторе: Бытко Сергей Станиславович, аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет».

Контактная информация: 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3б; тел.: 8(912)5358339; e-mail: labarum92@rambler.ru.

Уже со второй половины XVIII в. Саратовская губерния стала одним из крупнейших духовных центров русского «раскола». Свобода вероисповедания, а также отмена податей на 6 лет, гарантированные Екатериной II, сделали окрестности р. Иргиз привлекательным местом для переселенцев из числа разнообразных старообрядческих деноминаций. В это же время складывается и знаменитый «Новый Афон» – комплекс беглопоповских монастырей, расположившихся близ левого притока р. Волги. На протяжении второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. число старообрядцев в этой местности неуклонно росло. Сами общины во главе с могущественными купцами-староверами стали, в свою очередь, значительной политической и административной силой в регионе (Леопольдов 1903: 40; Керов 2012: 157).

В результате реакционной политики светских властей во второй четверти XIX в. значительного положения добиваются единоверческие общины г. Саратова, ранее не прельщавшие местных староверов. Среди их лидеров выделяется незаурядная личность Льва Степановича Масленникова. Трижды назначаемый главой г. Саратова (в 1852–1855, 1855–1858 и 1861–1864 гг.), он пробыл в этой должности девять лет, явившись по этому показателю одним из самых видных руководителей города за весь дореволюционный период.

Современной науке немного известно о жизни и судьбе Л.С. Масленникова. Предполагаемой датой его рождения считается 1800 г. В купеческой среде Масленников был знаменит прежде всего своей оптовой хлебной торговлей, годовой объем которой мог достигать от 400 тыс. до 3 млн руб. (Данилов 2006: 38). За успешную общественную и благотворительную деятельность Лев Степанович не раз награждался знаками отличия, а в 1856 г. даже стал одним из приглашенных на коронацию Александра II в Москву. Точная дата смерти Масленникова также не установлена. Известно лишь, что в 1869 г. Лев Степанович присутствовал на обеде в честь посещения Саратова наследником престола Александром Александровичем с супругой (Шомпулев 2012: 154). На этом известии сообщения о Масленникове прерываются. Его именем сегодня в Саратове названы четыре проезда, а на улице им. А.М. Горького сохранился особняк Льва Степановича.

Саратовские краеведы XIX – начала XX в., описывая исторические перипетии своего города, не раз обращались к фигуре этого знакового человека. Будучи выходцем из купеческого сословия, Масленников на собственные средства благоустраивал Саратов и улучшал жизнь горожан, в результате чего завоевал огромную поддержку городских низов.

Ф.В. Духовников так описывает общественную деятельность Льва Степановича: «...вообще всякая просьба мещанина исполнялась им беспрекословно, особенно если он знал, что просивший о помощи человек бедный» (Духовников 1893а: 134).

За время своего пребывания в должности головы Масленников занимался строительством Масленниковских выселков (домов для неимущих людей), благоустройством парков, мощением дорог, прокладкой первого водопровода (Духовников 1893с: 75–77). Огромное внимание уделял поддержке единоверческой общины города. Именно при Льве Степановиче появляется богадельня для нетрудоспособных лиц на единоверческом кладбище, а через несколько лет – богадельня для сирот на 49 мест. В 1853 г. в распоряжение единоверцев переходит Преображенская церковь (*Приложение 1*).

Публицисты и историки тем не менее указывали на крайнюю неоднозначность личности Льва Степановича. Так, в журнале «Современник» за 1863 г. мы можем найти едкий сатирический очерк, посвященный Масленникову. Автор обвиняет городского голову, кроме показной благотворительности, в фальшивомонетничестве и воровстве, на которых тот якобы и сколотил свой первоначальный капитал (Макашин 1863: 388, 389). Примечательно, что открыто имя Масленникова не появляется на страницах журнала. Главным героем произведения предстает некий Степан Степаныч. Кроме финансовых «делишек», его обвиняют и в приверженности расколу. Так, автор памфлета мещанин С.А. Макашин указывал на то, что богатый купец некогда придерживался часовенного согласия, причиной же перехода в единоверие называются политические амбиции Степана Степаныча (Макашин 1863: 3979). Примечательно, что этнограф А.Ф. Леопольдов также писал о старообрядческом прошлом Масленникова. Так, краевед утверждает, что в 1839 г. Лев Степанович вместе со своим братом Павлом были попечителями поповской часовни (Леопольдов 1903: 64).

На протяжении всего времени пребывания Масленникова в должности не утихали пересуды о том, что голова лишь «наружно <...> исповедовал религию православную». По этому поводу С.А. Макашин приводит речь городского обывателя, сомневающегося в искренности религиозных чувств главного героя: «Степан Степаныч своих не покинет...» (Макашин 1863: 383, 398). Похожее заключение сделал и историк-краевед Н.С. Соколов, называвший Масленникова не иначе, как «оракулом саратовских старообрядцев». По мнению исследователя, староверие «связывало крылья» предприимчивому Льву Степановичу, и он был вынужден пойти на компромисс с официальной церковью в 1843 г. (Соколов 1888: 410, 442).

Отметим, что правила от 27 мая 1820 г. «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности» предписывали отстранять от власти староверов беспоповской ветви, не признававших брак и молитву за царя. Однако реалии николаевского времени привели к тому, что казуистическое истолкование этих правил в 1830–1850-х гг. вылилось в санкции и против поповцев (Наумлюк, Тимофеев 2004: 235). Запрет избрания старообрядцев на общественные должности задел амбиции многих людей того поколения. В результате принятие единоверия стало весьма распространенным явлением. А.С. Палкин также отмечает, что принятие единоверия способствовало частичному сохранению беглопоповских организаций во второй четверти XIX в. (Палкин 2014: 101). Е.А. Архипова и вовсе утверждает, что формальный переход под патронаж РПЦ во второй четверти XIX в. приобрел массовый характер среди саратовских старообрядцев (Архипова 2010: 43, 45).

Крайне любопытным в этом отношении представляется находящийся в нашем распоряжении рукописный Октоих, на протяжении XX в. бытовавший в старообрядческой общине г. Пугачева (Саратовская область) и выкупленный из частной коллекции в 2018 г. Внимание привлекает владельческая помета в конце книги: «Сию учинил собственноручно Лев Степанов Масленников. Июля 1-го дня 1842 года». Филигранные пометы на листах книги подтверждают приведенную датировку. Более поздние владельческие пометы обнаруживают, что на протяжении XIX в. книга бытовала среди саратовских старообрядцев. Столь примечательный набор свидетельств вряд ли можно считать

обыкновенным совпадением. Думается, что составителем исследуемого книжного памятника являлся саратовский купец Л.С. Масленников.

Привлекает внимание безупречно выполненный полуустав книги. В начале каждого гласа располагается оригинальная многоцветная заставка в авторском стиле. Встречающаяся на листах вязь напоминает поморское наследие. В целом орнаментика книги схожа с декором, встречающимся в иргизских рукописных памятниках. Здесь мы снова можем обратиться к городским слухам о Льве Степановиче. Утверждалось, что Масленников два года пробыл в иргизских монастырях, занимаясь духовным подвижничеством (Макашин 1863: 389). С учетом обнаруженного книжного памятника мнение о связи купца с «Новым Афоном» уже не выглядит столь безосновательным. Более того, следует полагать, что Лев Степанович прибыл на Иргиз с целью стать старообрядческим уставщиком. Столь сильное, на первый взгляд, заявление достаточно хорошо вписывается в общий контекст эпохи. Именно на период николаевских гонений приходится доктринальная трансформация часовенного согласия. Так, в силу острой нехватки священников староверы этого течения были вынуждены обзавестись начетчиками, исполнявшими необходимые таинства (Булгаков 1994: 65), хотя согласие не приняло беспоповского учения и номинально продолжало признавать авторитет лиц духовного звания.

На сегодняшний день исследователи имеют достаточно свидетельств о связи Иргиза не только с поволжскими часовенными, но и с представителями этого согласия, проживавшими на Урале. Монастыри осуществляли подготовку будущих уставщиков и обеспечивали ими общины, нуждавшиеся в духовном окормлении (Леопольдов 1903: 40). Таким образом, пребывание Льва Степановича в монастыре могло приходиться на промежуток между 1825 и 1841 гг., где нижней хронологической границей является начало государственных преследований староверов, а верхней – закрытие последней из иргизских обителей.

Следует отметить, что в данный период Масленников уже занимался общественной деятельностью, поочередно вступая в должности купеческого старосты (1824), депутата квартирной комиссии (1827–1829), ратмана городского магистрата (1831–1834), депутата казарменной комиссии (1838–1840) и заседателя палаты уголовного суда (1838–1840). Мы можем наблюдать несколько временных промежутков, когда купец не исполнял каких-либо должностных обязанностей и мог проходить двухлетнее обучение на Иргизе. Однако наиболее вероятным следует считать этап между 1824 и 1827 гг., поскольку с 1830-х Масленников ежегодно берет на себя выполнение казенных заказов по поставкам хлеба, что наверняка не позволило бы ему отсутствовать в городе столь продолжительный срок (Данилов 2006: 38). Таким образом, версия о связи купца Масленникова с «расколом» Саратова не являлась безосновательным городским пересудом, а с учетом всех приведенных свидетельств, сегодня представляется почти неоспоримой.

Более значительным является вопрос о том, сохранил ли Лев Степанович свои старообрядческие взгляды после миропомазания и перехода в единоверие в 1843 г. Для разрешения этого вопроса обратимся к уже упомянутому рукописному Октоиху. На заднем форзаце книги мы можем обнаружить еще одну владельческую помету: *«Сия книга Певчий Актai принадлежит Кузнецову Павлу Ильичу. Подарена на память в дом Кузнецовым Петром Никитичем в 1890 году»*.

П.И. Кузнецов являлся выходцем из купеческого сословия Саратова. Не входя в число богатейших жителей города, он тем не менее был одним из попечителей белокрыницкой общины в конце XIX в. (Обухович 2013: 162, 164). Возникает вопрос, каким образом Октоих, первоначально бытовавший в среде часовенных и единоверцев, попал к представителям «австрийского» согласия. Обозревая состояние книжной торговли в Саратове, исследователи вынуждены констатировать острый дефицит книг, наблюдавшийся во второй половине XIX в. Примечательно, что подобная ситуация сложилась по обе стороны «баррикад»: нехватка необходимых книг отмечалась как в

православных церквях, так и в старообрядческой среде. Последняя переживала обыски и изъятия, производимые полицией не только в период царствования Николая I, но и при его потомках (Духовников 1893b: 328–329).

Старообрядцы всеми силами стремились исправить сложившуюся ситуацию, прибегая к контрабанде печатных книг из-за границы и даже краже изъятых фолиантов из архива Духовной консистории (Быстров 1923: 3; Духовников 1893b: 327). Крайне примечательно и то, что вся изымаемая утварь (книги, иконы, богослужебные предметы) передавалась властями в общины единоверцев (Палкин 2014: 99). Таким образом, можно судить, каким образом книги мигрировали от староверов к единоверцам, но весьма сложным в данных условиях представляется обратный их путь.

Следует отметить, что именно саратовские беглопоповцы принимали активное участие в поисках иерарха для старообрядческой церкви, в результате чего и сложилось белокриницкое согласие. По утверждению Н.С. Соколова, даже лояльные к единоверию саратовские староверы большей частью отпали от него с появлением в 1846 г. новой поповской иерархии (Соколов 1888: 444, 449). Исследователем также отмечается, что и после миропомазания Льва Степановича церковь (*Приложение 2*), попечителем которой он являлся, осталась «сборищем тайных раскольников, большей частью даже покровителей раскола» (Соколов 1888: 449).

Подчеркнем, что мнение исследователей XIX в. о переходе Масленникова в лоно единоверия как простом и сиюминутном жизненном выборе излишне вульгаризировано. Следует только отметить, что значительная часть саратовских купцов перешла под патронаж РПЦ уже в 1835 г. Масленников же пережил пик гонений на беглопоповцев в 1837–1838 гг., оставаясь в их рядах, прежде чем решился на компромисс в 1843 г. (Палкин 2014: 91; Соколов 1888: 404).

Как нам представляется, после появления в 1846 г. «австрийского» согласия Масленников подобно множеству других единоверцев влился в ряды новообразовавшейся деноминации. Сохраняя видимость принадлежности к официальной церкви, ему удалось значительно укрепить позиции староверов-поповцев в городе, а для себя лично добиться значительного административного поста. Принадлежавшая же единоверческой общине библиотека, таким образом, оказывалась в общем употреблении с «австрийцами», облюбовавшими приход Покровской церкви. Следует оговориться, что предложенное объяснение является лишь одной из версий и нуждается в дальнейшем подтверждении.

Тем не менее, связь единоверческого прихода Саратова и его покровителей с «расколом» кажется весьма однозначной. Перед исследователем встает крайне любопытный вопрос: каким образом городскому голове удавалось оставаться в своей должности в разгар николаевских репрессий? К тому же в 1853 г. Саратовская губерния оказалась в числе 9 административных единиц, куда назначили специальных чиновников МВД для выявления сект и расколов (Архипова 2010: 41). Еще ранее, в 1839 г., в Саратове создается Секретный совещательный комитет по делам раскольников, призванный ликвидировать очаги религиозного диссидентства в городских пределах (Палкин 2014: 88–89).

Следует привести несколько возможных объяснений «масленниковского» феномена. Первый из них – подкуп государственных чиновников и духовенства официальной церкви, позволявший староверам свободно существовать и получать духовное окормление даже в условиях суровых гонений (Керов 2012: 153–154). Исследователи коррупции сходятся во мнении, что гонения против староверия не приводили к его исчезновению, а лишь подстегивали вспышки взяточничества среди чиновников «мелкой» и «средней руки». Сами старообрядцы вовсе не отличали налоги от взяток, называя и то и другое «данью». Подобные меры, предпринимаемые староверами для поддержания своих общин, оказывались столь эффективными, что даже саратовское губернское начальство было вынуждено констатировать: старообрядчество в их крае неистребимо вовсе (Керов 2012: 155–156, 160).

Однако данная версия имеет и существенные недостатки. Ведь во главе экспедиций МВД, предпринятых в начале 1850-х гг., были поставлены чиновники, прежде отмеченные как чрезвычайно ревностные в службе и совершенно неподкупные. Учитывая же, что основной их целью являлось раскрытие характера взаимоотношений «раскольников» с местными властями, версию о подкупе вряд ли можно назвать убедительной (Керов 2012: 156). Едва ли можно думать, что саратовской комиссии не удалось обнаружить связь головы с местными староверами. Как уже отмечалось, к середине XIX в. догадки о сношениях Льва Степановича с «ревнителями древнего благочестия» были не только уделом городской молвы, но и не единожды фиксировались в разнообразных изданиях.

Как ни странно, более вероятным представляется то, что столичные чиновники просто закрыли глаза на «раскольничьи делишки» Л.С. Масленникова. Будучи весьма успешным администратором, заслужившим любовь мещан и знавшим чувство меры в отношении религиозной свободы и необходимости придерживаться общеимперской идеологии, Лев Степанович не вызывал опасений у чиновников МВД. Не последнюю роль сыграло и то, что «раскольничий контингент» Покровской церкви принадлежал к поповской ветви староверия, с которой у властей традиционно были более доверительные отношения, нежели с крайне радикальными представителями беспоповства (Керов 2016: 20). Более того, вероятно, именно покровительство городского головы и благоденственное положение единоверческой общины удерживало многих ее членов от открытого перехода под «раскольничью юрисдикцию». В данной ситуации наиболее верным решением оказывалось именно сохранение сложившегося положения вещей, обеспечивавшего хотя бы номинальное доминирование РПЦ в Саратове и его окрестностях.

В настоящей работе предпринята попытка проанализировать исключительный случай нахождения старообрядца в должности городского головы в разгар николаевских религиозных гонений. Опираясь на исторические свидетельства, зафиксировавшие жизненный путь Л.С. Масленникова, нам, как представляется, удалось реконструировать некоторые перипетии его конфессиональной принадлежности, подтвердить либо опровергнуть слухи, бытовавшие относительно него в середине XIX в., а также показать городского голову как одаренного старообрядческого книжника. Следует признать, что ряд приведенных выводов пока является весьма дискуссионным и нуждается в дополнительной аргументации.

Литература

- Архипова Е.А.* 2010. Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I // Новый исторический вестник 3 (25), 41–48.
- Булгаков С.В.* 1994. Справочник по ересям, сектам и расколам. М.: Современник.
- Быстров С.И.* 1923. Поморское согласие в Саратовском крае: опыт исторического исследования. Саратов: Изд-во В.З. Яксанова.
- Данилов В.Н.* 2006. Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов: Архитектор.
- Духовников Ф.В.* 1893а. К истории топографии Саратова начала нынешнего столетия // Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления. Вып. 1, 116–154.
- Духовников Ф.В.* 1893б. О развитии книжной торговли в Саратове / Ф.В. Духовников, Н.Ф. Хованский // Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления. Вып. 1, 323–352.
- Духовников Ф.В.* 1893с. Саратовская летопись / Ф.В. Духовников, Н.Ф. Хованский // Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления. Вып. 1, 19–104.
- Иргизские монастыри // Православная энциклопедия // <http://www.pravenc.ru/text/673915.html> (2018. 01 окт.).
- Керов В.В.* 2016. «Аще враг требует злата – дадите...»: старообрядчество и коррупция в полиции и органах государственной власти Российской империи XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России 2, 17–27.
- Керов В.В.* 2012. Предприниматели-старообрядцы и взяточничество в России XIX в.: элементы деловой культуры или гражданская коррупция? // *Wschodni Roszhik Humanistyczny*. Т. 8, 141–161.

Леопольдов А.Ф. 1903. О расколе по Саратовской епархии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов: Типография губернского земства. Вып. 23, 35–166.

Макашин С.А. 1863. Несколько подробное, но весьма правдивое жизнеописание одного городского головы // Современник V, 371–402.

Наумлюк А.А. Об осуществлении правил 27 мая 1820 года «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности» в Саратовской губернии // Книжница самарского староверия // <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/136-1-0-1055> (2018. 08 окт.).

Обухович С.А. 2013. Благотворительность саратовских старообрядцев в 1880–1917 гг. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева 3(13), 161–169.

Палкин А.С. 2014. Единоверие в конце 1820-х – 1850-е годы: механизмы государственного принуждения и противостояние староверов // Quaestio Rossica 3, 86–106.

Собрание С.С. Бытко. № 4. Октоих на крюковых нотах.

Соколов Н.С. 1888. Раскол в Саратовском крае: опыт исследования по неизданным материалам. Саратов: Типография И.П. Штерцер и К^о.

Тимофеев В.В. 2004. Старообрядцы на выборных должностях в российской провинции // Регионоведение 4 (49), 232–243.

Шомпулев В.А. 2012. Записки старого помещика. М.: Новое литературное обозрение.

S.S. Bytko

Nizhnevartovsk, Russia

“STEPAN STEPANYCH OF THEIR DON'T LEAVE”, OR THE SECRET STARTER IN THE POSITION OF THE URBAN HEAD (TO L.S. MASLENNIKOV'S BIOGRAPHY)

Abstract. The article deals with the biography of Lev Stepanovich Maslennikov, who was the head of Saratov in the 50–60s. XIX century. Special attention is paid to the religious beliefs of L.S. Maslennikov, as well as the conditions of existence of the Old Believers during the reign of Nicholas I. Based on sources of personal origin, it is concluded that despite the nominal identity of common faith, Saratov's head secretly adhered to Old Belief and had a serious influence on strengthening the “split” in the city at the peak of Nicholas religious persecution.

Key words: Old Believers; Saratov; L.S. Maslennikov; chapel; Oktoih; single faith; Irgiz.

About the author: Bytko Sergey Stanislavovich, graduate student of chair of history of Russia, Nizhnevartovsk State University.

Приложения

Рис. 1. Спасо-Преображенская единоверческая церковь на Горянской площади
Фото В.В. Мизеровского (1902 г.)

Рис. 2. Покровская единоверческая церковь на Обуховском взвозе
Рисунок Б.М. Мозера (вторая половина XIX в.)

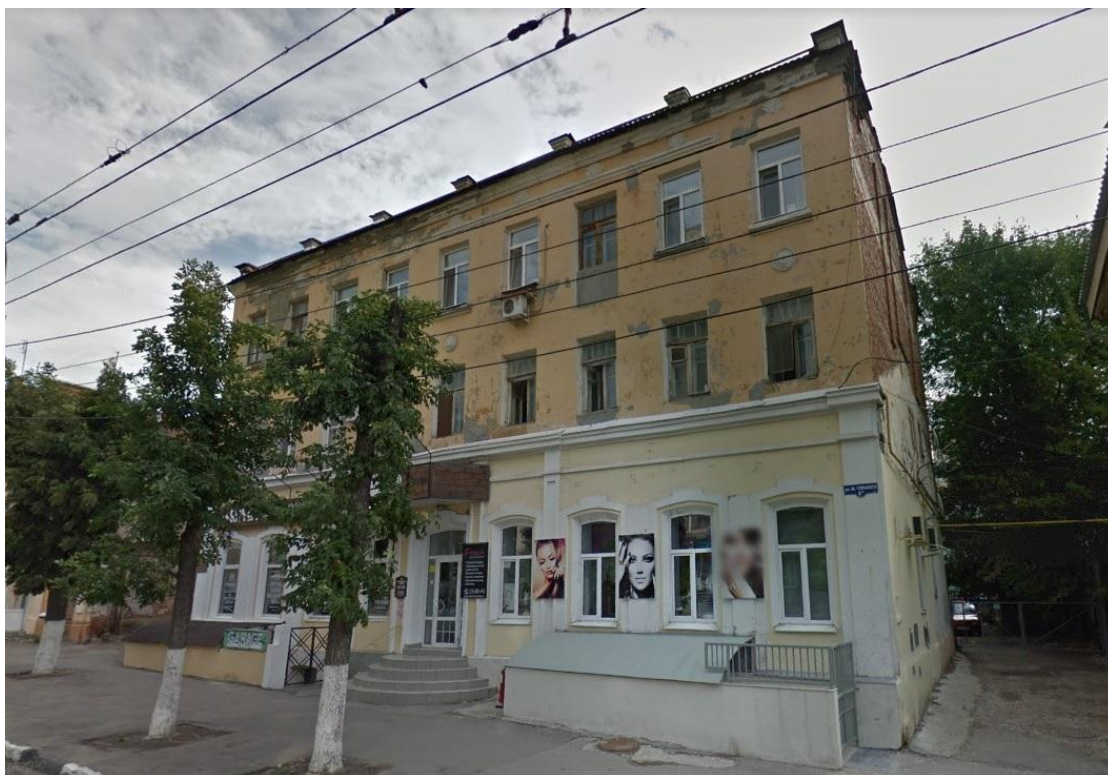

Рис. 3. Дом Л.С. Масленникова в Саратове (ул. Максима Горького, д. 8А)
Фотография из сервиса GoogleMaps